

Вершина горы, где расположилось поместье семьи Лю, утопала в густой зелени. Цзи Цайсюэ, стараясь держаться на полшага позади человека в маске, вел его к месту, где был припаркован их летающий артефакт.

Сердце юноши до сих пор колотилось от странного волнения — все прошло до невозможного гладко! Вчера, когда он обратился к незнакомцу с просьбой, то от избытка нервов ляпнул такую нелепость, что был готов провалиться сквозь землю. Однако, несмотря на столь странное приветствие, человек в маске согласился помочь, не задавая лишних вопросов. Конечно, Цзи Цайсюэ и не рассчитывал, что тот лично будет сопровождать его до реки Найхэ — уже одно то, что он вообще согласился помочь, было великим благом.

По словам незнакомца, его путь лежал в Северные земли за редкими травами. Несмотря на задержку, вызванную событиями в семье Лю, менять планы он не собирался. Теперь, когда Лю Чаоянь пришла в себя, а другие главы кланов города Му помогали уладить дела, он мог спокойно отправиться в путь, доверив Цзи Цайсюэ своему прирученному духовному зверю.

Дорога была расчищена от следов недавнего хаоса. В горах царила тишина, веял теплый ветерок, словно не знающий людских тревог. По мере приближения к вершине обзор расширялся: за пределами защитного массива, поддерживающего постоянную температуру, клубились снежные вихри, скрывая в своей пелене ядовитые клумбы и молчаливые надгробия.

У самого летающего корабля Цзи Цайсюэ остановился. Человек в маске подошел ближе и лишь слегка взмахнул рукой — судно, отнюдь не маленькое, исчезло в воздухе. Затем он начертал в пространстве символ, который вспыхнул розовыми искрами и растворился, уступив место величественному духовному оленю.

Зверь был нежно-розового окраса, с белоснежным пушком на ушах и над копытами. Его рога, напоминающие белый нефрит, отливали небесной синевой, а при каждом шаге из-под копыт зверя вырывалось мягкое голубое сияние, в котором угадывались очертания крошечных цветов.

Олень, покружившись вокруг своего хозяина, подошел к Цзи Цайсюэ. В его глубоких синих глазах отразился юноша. Зверь тихо зазвенел, и, прежде чем Цзи Цайсюэ успел спросить о чем-то, мягко ткнулся мордой в его щеку.

— Он доставит тебя к реке Найхэ менее чем за час, — проговорил человек в маске, протягивая руку. — Твой прежний артефакт теперь хранится здесь, вместе с талисманами передачи звука и кое-какими защитными вещами. Забирай.

Цзи Цайсюэ отстранил голову оленя и увидел на ладони незнакомца яркий цветок персика. Поразившись тому, что даже хранилище у такого мастера выглядит столь необычно, он осторожно взял подарок, боясь повредить диковинный артефакт. Заметив замешательство юноши, не знавшего, куда спрятать цветок, человек в маске научил его простому заклинанию. Стоило Цзи Цайсюэ выполнить его, как цветок растаял, превратившись в изящную татуировку на запястье.

Юноша с любопытством вертел рукой: татуировка выглядела совсем как живая, лишь наполовину скрытая краем рукава, что придавало ей особую грацию.

Взгляд Цзи Цайсюэ случайно упал на золотой браслет, и он замер, вспомнив Шэнь Ханя и переданный им талисман. Дошло ли до главы ордена сообщение? Он уже хотел попросить человека в маске помочь со связью, как вдруг услышал приближающийся звон серебряных колокольчиков и голос Лю Чаоянь:

— Господин глава, прошу, постойте!

Цзи Цайсюэ обернулся. Лю Чаоянь, облаченная в черное с серебряной вышивкой в виде ивовых ветвей, быстро приближалась к ним. Ее длинные волосы, собранные в высокую прическу, обрамляли лицо белоснежными прядями.

Остановившись перед ними, она сначала взглянула на Цзи Цайсюэ, а затем поклонилась человеку в маске:

— Господин глава, позвольте мне сказать Цайсюэ пару слов. Это не займет много времени.

Тот кивнул. Олень, словно почувствовав что-то, потерялся о Цзи Цайсюэ и отошел в сторону. Юноша, повинувшись знаку Лю Чаоянь, последовал за ней чуть дальше. Отсюда открывался вид на ярко-красное поле цветов, которые на фоне горных снегов казались особенно вызывающими.

Лю Чаоянь проследила за его взглядом и тихо промолвила:

— Это цветы, из которых делают Мантяньсин.

— Мантяньсин?

— Да, яд, изобретенный семьей Лю. Достаточно половины щепотки, чтобы убить человека, — ее губы дрогнули в горькой улыбке. — Наша семья процветала благодаря медицине, но создание ядов было нашим главным мастерством. Мантяньсин — шедевр моего отца. Я никогда не видела более быстродействующего яда и всегда гордилась этим... до недавнего времени.

Цзи Цайсюэ молчал. Перед лицом гибели целого клана любые слова утешения казались пустыми. К счастью, Лю Чаоянь быстро сменила тему:

— На самом деле, я взялась за твое сопровождение только из-за Шэнь Ханя.

Цзи Цайсюэ вздрогнул и посмотрел на нее. Она выглядела решительной, словно долго готовилась к этому разговору.

— Ты близок с ним, и, возможно, он рассказывал, что между нами давняя вражда, — она закрыла глаза. — Но на самом деле... это была ошибка. Кто-то подставил меня, заставив его возненавидеть меня. Сотни лет я пыталась распутать этот узел, но след был тщательно замечен. Даже ресурсы семьи Лю и статус ученицы ордена Чаншэн не помогли мне найти заказчика.

— Шэнь Хань тоже чувствовал подвох. В городе Янтарном он убил одного из сообщников, причастных к тем событиям. Но даже тогда он не поверил мне. Он ненавидит меня, хотя я не сделала ничего из того, в чем он меня обвиняет.

Цзи Цайсюэ чувствовал, что она не договаривает всей правды — в чем именно заключалась суть конфликта, осталось загадкой. Однако интуиция подсказывала, что она говорит искренне. Если это так, то за кулисами стоял кто-то невероятно могущественный.

— Шэнь Хань не ладил с моим учителем и редко появлялся в ордене. За сто лет мы виделись меньше трех раз, и каждый раз — мельком. Я надеялась, что эта поездка даст нам шанс поговорить.

— В день в городе Янтарном? — Цзи Цайсюэ вспомнил ту ночь, когда Шэнь Хань велел ему искать Лю Чаоянь, а сам исчез.

— Да. В ту ночь он убил человека и сжег трактир — место, где все началось. Я была там, пытаюсь найти хоть какие-то зацепки, — голос Лю Чаоянь дрожал. — Именно тогда я поняла: он изменился. Он стал по-настоящему безжалостным. Он отсек свое прошлое, но не отпустил ненависть. Она стала безумной и упрямой. Ему больше не нужна истина, он хочет лишь истребить всех, кого считает врагами.

— Жестоко, словно кошка, играющая с мышью.

Цзи Цайсюэ нахмурился. Он знал Шэнь Ханя недолго, но тот был единственным, кого он здесь хоть сколько-нибудь понимал. В нем чувствовалась жесткость и властность, но чтобы он хладнокровно убивал? Это не укладывалось в голове. Тем не менее, он не мог с уверенностью опровергнуть слова Лю Чаоянь.

Лю Чаоянь, взяв себя в руки, посмотрела на него. В ее глазах больше не было той искры, что он видел при первой встрече. Ее белые волосы развевались на ветру, и Цзи Цайсюэ невольно проникся к ней жалостью.

— Я знаю, ты мне не веришь, но клянусь, каждое мое слово — правда, — она пристально посмотрела на него и вдруг опустилась на колени. — Умоляю, Цзи Цайсюэ, помоги мне.

Юноша в ужасе отпрянул, пытаясь поднять ее, но она осталась неподвижна.

— Что бы ты ни хотела, сначала встань! Если ты будешь так стоять, я восприму это как давление и ничего не обещаю!

Это сработало. Лю Чаоянь поднялась, сжимая кулаки. Она никогда не преклоняла колени ни перед кем, кроме родителей и учителя, но после гибели семьи ее гордость была сломлена.

— Я хочу просить тебя... если когда-нибудь ты снова встретишь его, пожалуйста, дай мне знать.

О ком шла речь, было ясно без слов.

— Ты думаешь... это он? — спросил Цзи Цайсюэ.

— Я не хочу в это верить, но он — единственный, на кого падает подозрение! — ее голос сорвался на крик, полный ненависти. — Кто бы это ни был, я найду его. Даже если мне придется погибнуть самой, я отомщу за сто шесть членов моей семьи!

Последовало долгое молчание. Цзи Цайсюэ смотрел в ее налитые кровью глаза и, наконец, кивнул:

— Я обещаю. Но я сообщу тебе лишь о его местонахождении. У меня нет доказательств его вины, да и удержать его я не смогу.

— Этого достаточно, — она с облегчением выдохнула. — Я продолжу расследование. Если окажется, что я ошиблась, я дам тебе знать.

— Хорошо.

Лю Чаоянь помедлила, словно хотела добавить что-то еще.

— Я знаю, что вы знакомы еще по миру смертных, и его отношение к тебе... необычно. Просить тебя о таком — против совести, — она виновато опустила голову. — Но у меня нет другого выбора. Прости.

— Все в порядке, ты не просишь меня о чем-то преступном, — отмахнулся Цзи Цайсюэ. Он и сам хотел знать правду, но пока не мог судить никого из них.

Лю Чаоянь поклонилась и достала из-за пазухи нефритовый кулон в форме облака:

— В знак благодарности прими это.

Цзи Цайсюэ взял нефрит. Он уже видел подобные у главы ордена и у самой Лю Чаоянь.

— Есть два пути стать учеником ордена Чаншэн: через турнир раз в пятьдесят лет или по рекомендации внутреннего ученика. Покажи этот кулон моему учителю, и он, скорее всего, примет тебя, — объяснила она. — Я слышала, ты хочешь вернуться в мир смертных, но для свободного перемещения между мирами нужна стадия Превращения Божества. Орден Чаншэн — лучший на Юге, это поможет тебе в совершенствовании.

Цзи Цайсюэ не стал отказываться — этот дар был ему действительно нужен, хотя он и казался слишком ценным.

— Благодарю, — он ответил поклоном.

Они вернулись к остальным. Розовый олень приветливо фыркнул, увидев юношу. Лю Чаоянь на мгновение задержала на звере задумчивый взгляд.

Человек в маске, чье лицо было полностью скрыто, указал на пояс Цзи Цайсюэ:

— У реки Найхэ много лишних глаз. Не стоит афишировать свое происхождение.

Цзи Цайсюэ послушно снял свой жетон и убрал его в хранилище-цветок. Возбравшись на оленя, он почувствовал, как зверь легко оторвался от земли. Юноша, вцепившись в мягкую шерсть, с замиранием сердца посмотрел вниз, на провожающих, и помахал рукой:

— Я полетел! Еще увидимся!

Лю Чаоянь хотела было ответить тем же, но внезапно замерла. Когда рука Цзи Цайсюэ поднялась, рукав сдвинулся, обнажив запястье. На нем сверкнула золотая цепочка. Лю Чаоянь не поверила своим глазам — по спине пробежал холодок.

Эта цепь... как она оказалась у него?

В памяти вихрем пронеслись обрывки воспоминаний: голос юноши, его слова...

— Сестрица Лю.

— О, я видел вас! Вы же из одного ордена с братом Ханьем!

— Привет, я Лу Яо...

— Можно я буду звать вас сестрицей Лю?

В одно мгновение все встало на свои места. Она потрясенно сделала шаг вперед, но было поздно — олень уже превратился в крошечную точку в небе. Заметив, что человек в маске смотрит на нее, она заставила себя успокоиться, подавляя ужас. В ушах гулко билось сердце.